

названий работ на грузинском, русском и западных языках, составляет наглядное свидетельство объема интеллектуальных затрат, вложенных авторами в работу (заметим в этой связи, что им удалось использовать и такие по сей день остающиеся неопубликованными лексические собрания, как "Грузинско-мегрельский и мегрельско-грузинский сравнительный словарь" П. Чарая, созданный еще в 1918 г., и "Лазско-грузинский словарь" А. Тандилава). Несмотря на изобилие языковых фактов опечатки в тексте сведены к минимуму.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что выход в свет труда Х. Фенриха и З. Сарджвеладзе — одно из значительных событий в современном картвельском языкознании. В нем отражены передовые рубежи последнего не только в плане этимологии, но и в сравнительной фонетике и историческом словообразовании. Вместе с тем он служит очередным свидетельством творческих возможностей международного сотрудничества в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуладзе И.В. Словарь древнегрузинского языка: Материалы. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
2. Глonti А.А. Словарь грузинских народных говоров. I—II. Тбилиси, 1974—1975; 2-е изд. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
3. Каагарадзе Н.И. Мохевский диалект грузинского языка (исследования, тексты, словарь). Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
4. Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблауг в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).
5. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. Bern, 1959. S. 13, 23, 68, 321, 335, 483, 596.
6. Watkins C. Etymologies, equations, and comparanda: Types and values, and criteria for judgement // Linguistic change and reconstruction methodology // Ed. by Baldi Ph. B.; N. Y., 1990. P. 295—296.

Климов Г.А.

Stellmacher D. Niederdeutsche Sprache. Eine Einführung. Bern: Peter Lang Verlag, 1990. 236 S.

Книга известного немецкого германиста, проф. Гёттингенского университета Д. Штелльмахера посвящена истории формирования нижненемецкого языка, анализу форм его существования в различные периоды развития, а также освещению вопросов его современного функционирования в качестве ряда диалектов немецкого языка. Появление этой книги стало заметным событием в германистике, поскольку она восполняет пробел в освещении вопросов немецкой филологии, с неизбежностью образовавшийся в связи с особенностями формирования немецкого литературного языка: известно, что нижненемецкие диалекты не были непосредственной основой при образовании общенемецкого литературного языка и поэтому учитывались главным образом при рассмотрении, например, второго передвижения согласных или при общей классификации немецких диалектов. Между тем исторический нижненемецкий язык имеет самостоятельную научную ценность, поскольку до периода выдвижения восточно-средненемецкого типа литературного языка на роль ведущего и унифицирующего варианта он существовал в качестве самостоятельного надтерриториального типа литературного языка (нижненемецкий язык в его

нижнесаксонском и нижнефранкском вариантах в качестве делового языка ганзейских городов Северной Германии) наряду с уже упоминавшимся восточносредненемецким и южнонемецким (das Gemeine Deutsch, язык Баварии, Австрии, Швабии и Швейцарии) типами делового, литературного языка. С другой стороны, он сохраняет свое функциональное положение в структуре современной немецкой речи в качестве совокупности нижненемецких диалектов (Plattdeutsch, Niederdeutsch) немецкого языка, которыми пользуются и которые понимают около 2/3 населения соответствующих регионов Германии. Так, согласно данным опроса 1966 г. в Северной Германии в среднем 46% опрошенных ответили положительно на вопрос о владении нижненемецким диалектом, 13% опрошенных сообщили, что они немного знают местный диалект, и только 41% ответили, что не знают диалекта и не говорят на нем. С другой стороны, согласно данным микроопроса 1985 г. в земле Шлезвиг-Гольштейн — регион распространения нижненемецких диалектов — в среднем 70% мужчин и 64,7% женщин могут говорить на местном диалекте [1].

Книга Д. Штелльмахера состоит из Вве-

ления, шести основных аналитических глав и заключения. Она снабжена также картами классификации и локализации нижненемецких диалектов, расположения границ, характерных языковых явлений и признаков, и содержит научную библиографию, включающую 272 названия книг и статей.

В вводной части работы автор напоминает, что северонемецкие диалекты сегодня обычно называются нижненемецкими (*niederdeutsch*) или "платтдойч" (*plattdeutsch*), при этом последнее является общераспространенным названием, тогда как *niederdeutsch* чаще всего используется в качестве филологического термина. Первоначально оно получило распространение в северо-западной части ареала "континентального германского языка" (*Kontinentalgermanisch*), т.е. на территории современного нидерландского языка, где соперничали между собой два названия — *nederduytsch* (нижненемецкий) и *nederlandsch* (нидерландский), из которых последнее в результате решений Венского конгресса 1815 г. стало названием языка вновь созданного Королевства Нидерландов.

История нижненемецкого языка распадается на три основных периода: древни-нижненемецкий, средни-нижненемецкий и современный нижненемецкий. Эпоха древни-нижненемецкого охватывает период IX—XII вв. на территории от Нижнего Рейна до Эльбы и от Гольштейна до Зауэрланда. Средни-нижненемецкий период приходится на XIII—XVII вв., когда благодаря своему положению в качестве языка ганзейских городов нижненемецкий приобретает особое признание и авторитет. В результате немецкой колонизации на Востоке нижненемецкое языковое пространство заметно увеличивается, доходя до земель Балтийского побережья. Территория его распространения увеличивается также за счет регионов бытования восточно- и севернофризского языка, тогда как на юго-востоке немецкого ареала нижненемецкий язык начинает нести свои первые потери. С конца XVII в. начинается период современного нижненемецкого языка, когда функциональные потери для нижненемецкого приобретают необратимый характер и по мере укрепления в этом регионе верхненемецкого литературного языка обрывается путь его превращения в литературный (стандартный) язык и открывается возможность дальнейшего его существования лишь на уровне диалекта.

В главе "Древни-нижненемецкий период" (с. 19—37) Д. Штелльмахер рассматривает звуковой состав нижненемецкого языка этого периода, анализирует его морфологическую

и синтаксическую структуры, а также дает общую характеристику его лексического состава. При этом он отмечает, что при периодизации истории нижненемецкого языка следует различать два основных этапа: период своеобразной предступени в историческом развитии языка, относящийся ко времени до вхождения саксов в состав франкского государства, и этап исторического периода собственно древни-нижненемецкого языка с VIII по XII вв. Говоря о первом этапе, автор напоминает, что о нем практически нет никаких исторических языковых свидетельств, если не считать найденных в 1927—1928 гг. при землеройных работах в районе Нижнего Везера высеченных надписей (так называемые везерские руны), тогда как для периода собственно древни-нижненемецкого языка можно установить целую группу типов текстов: библейская поэзия (Гелианд и фрагменты из Генезиса), поэзия малого стиха (формулы благословений, изречения и сентенции), церковная и светская проза (фрагменты псалмов, обеты при крещении, тексты молитв, исповеди), а также глоссы, содержащие различные слова из народного языка и пояснительные комментарии к ним в латинских текстах.

Говоря о лексическом составе текстов древни-нижненемецкого периода, Д. Штелльмахер обращает внимание на то обстоятельство, что выявленные 4000 лексических единиц еще не отражают всего языкового богатства этого периода. Однако и обнаруженных свидетельств вполне достаточно, чтобы убедиться, что в языке уже этого периода представлены все основные словообразовательные типы слов, которые характерны и для современного немецкого языка: сложные слова (сочинительные и определительные композиты, бахуврихи), префиксальные образования и суффиксальные производные слова, включая диминутивы существительных (с. 34).

В главе "Средни-нижненемецкий период" (с. 39—87) автор подчеркивает, что современное название языка этого периода укрепилось со времени Я. Гримма. При этом имелось в виду не строгое название стандартного языка этого периода, а определение для совокупности близких друг другу письменных реализаций нижненемецкого языка в пределах данной языковой области (язык городов Ганзейского союза). Весь этот большой отрезок времени с XIII по XVII вв. распадается на три периода: ранний период (до середины XIV столетия), классический период (1350—1550 гг.), поздний период (до 1650 г.). Эта внутренняя пери-

олизация позволяет соотнести правомерность отождествления понятий средненижне-немецкого языка и языка Ганзейского союза. Даже для так называемого классического периода (1350—1550 гг.), когда такое отождествление могло быть наиболее допустимым (период расцвета ганзейских городов), характерно, что средненижне-немецкий язык использовался в функциях, "...которые не имели ничего общего с Ганзой" (с. 39). С другой стороны, в период до 1370 г. латынь также могла рассматриваться в качестве "ганзейского языка", а позднее наряду со средненижне-немецким языком "любекской реализации" в пределах Ганзы использовались другие письменные языки (вестфальский и рипуарский в Кельнском регионе, восточносредне-немецкий в Пруссии, а также в последние десятилетия середины XVI в. — верхне-немецкий язык в качестве языка Ганзы). Автор подчеркивает, что в этот период обозначилось стремление отойти от былого многообразия вариантов нижне-немецкого. На положение одного из ведущих типов письменного языка этого периода выдвигается любекская языковая норма. Одновременно для этого периода характерно существенное увеличение территориального пространства распространения нижне-немецкого языка на севере, востоке и северо-западе от его основного ареала, тогда как на юго-западе и юго-востоке наблюдались первые утраты территорий его распространения.

Другая характерная черта нижне-немецкого языка этого периода состоит в том, что стало более заметным расслоение языка по социальным сферам его использования. Так, письменный язык приобретает иное пространственное использование, чем разговорный, что приводит к дальнейшей стилистической дифференциации нижне-немецкого языка. Следует отметить, вслед за автором, что заметно возрастает число устойчивых вариантов письменного языка, общее число которых увеличивается в этот период до более 30. Практически в каждом городе формируется "свой" тип письменного языка: язык Дортмунда, Мюнстера, Магдебурга, Галле, Бремена, Гамбурга, Люнебурга, Росток, Штральзунда, Данцига, Риги, Ревеля, Берлина. При этом среди них, как уже отмечалось, выделялась роль языка г. Любека как одного из ведущих ганзейских центров. Говоря об этом, Д. Штельмахер далее подробно анализирует основные черты нормы любекского варианта нижне-немецкого языка (с. 41—43), а затем останавливается на характеристике других типов языка этого ареала

(вестфальский, остфальский и др.). Здесь же автор приводит образцы текстов на различных вариантах нижне-немецкого языка (с. 45—51), а затем рассматривает звуковой состав языка этого периода, его морфологическую и синтаксическую структуры, а также дает характеристику лексического состава средненижне-немецкого языка (с. 51—66).

Анализ состояния нижне-немецкого языка современного периода предваряется освещением процессов его функциональной перестройки в структуре современной немецкой речи. Начиная с XVI в. и в особенности в последующее время средненижне-немецкий тип языка в качестве литературного в Северной Германии стал неуклонно вытесняться верхне-немецким литературным языком (Hochdeutsch), что постепенно приводит к ограничению его использования только в роли диалекта. Процесс "диалектизации" (с. 69) нижне-немецкого языка не является прямым следствием каких-либо конкретных указов и распоряжений властей на этот счет, так как импульсом к этому первоначально послужили изменения географических границ распространения нижне-немецкого языка на юго-востоке этого языкового ареала, прежде всего на территориях вокруг городов Галле и Виттенберг, в канцеляриях которых в качестве письменного образца к этому времени утвердился верхне-немецкий тип языка. Такая замена привела к заметному сокращению коммуникативной сферы нижне-немецкого языка. Начиная с XVI в. и до середины XVII в. на верхне-немецкий тип письменного языка переходили канцелярии следующих городов: Берлин (1504 г.), Бранденбург (1525 г.), Гюстров (1540 г.), Данциг (1550 г.), Шверин (1551 г.), Оснабрюк (1553 г.), Рига (1560 г.), Ревель (1590 г.), Люнебург (1592 г.), Росток (1598 г.), Гамбург (1600 г.), Дортмунд (1610 г.), Любек (1615 г.), Бремен (1630 г.) и др. При этом такой переход происходил в пределах отдельных канцелярий в течение 25—30 лет, т.е. в пределах жизни одного поколения. Далее Д. Штельмахер подробно рассматривает роль деятельности Лютера в отношении распространения верхне-немецкого языкового образца в Германии, а также центров книгопечатания (с. 72—76) и др.

Новонижне-немецкий период (с. 89—144) рассматривается автором книги прежде всего с позиций наличия в этом регионе совокупности форм языка эпохи нации. Вершину этой языковой иерархии образует верхне-немецкий литературный язык, укрепившийся повсеместно в ареале территорий и стран немецкой речи (Германия, Австрия,

Швейцария). К другим составляющим этой иерархии относятся местные диалекты и обиходно-разговорные формы языка (*Umgangssprachen*), к которым, по мнению автора, прежде всего следует отнести различные социально обусловленные групповые профессиональные языки [они определяются им в качестве специальных языков (*Sondersprachen*)]. Равным образом и в ареале распространения нижненемецкого языка (современные нижненемецкие диалекты) автором выявляется трехчастное построение языковой структуры, при котором нижненемецкие диалекты, лежащие в основании всего иерархического построения, и следующие над ними на вертикальной оси построения "специальные языки" перекрываются сверху "стандартизированным" верхненемецким литературным языком. В своей совокупности они образуют структуру немецкого национального языка (с. 90), в котором константную величину образует единый (стандартизированный) литературный язык, в то время как сущность позиции "специальных языков", и прежде всего диалектов, всегда определяется характером самих диалектов данной территории. В качестве примера можно указать на состав национального языка Баварии, где диалектный уровень принадлежит франкским, баварским и, отчасти, нивабским говорам, чем определяется в значительной степени и характер местных "специальных языков", и, соответственно, состав национального языка в Северной Германии. Здесь на диалектном уровне (это важно и с точки зрения характера местных "специальных" языков) оказываются только нижненемецкие диалекты. Говоря о роли нижненемецких диалектов в этом регионе, Д. Штельмахер обращает особое внимание на роль такой формы языка, как "миссингш" (*Missingsch*), которую он определяет как смешанную форму севернонемецкой речи, восходящую к местной литературной традиции (с. 94). В настоящее время тексты на "миссингш" предпочитают в жанре сатирической литературы, издаваемой прежде всего в таких крупных городах Северной Германии, как Бремен, Гамбург, Киль, Фленсбург.

Говоря о функциональном статусе современных нижненемецких диалектов (*Plattdeutsch*), Д. Штельмахер подчеркивает, что, согласно его собственным исследованиям, в 1987 г. в среднем 56% опрошенных сообщили, что они в разной мере владеют местным диалектом, а 43% ответили на этот вопрос отрицательно. При этом в земле Шлезвиг-Гольштейн число лиц, владеющих диалектом, составило 71%, и только 29%

ответили отрицательно, тогда как на юге Нижней Саксонии число лиц, говорящих на местном диалекте, составило лишь 44%, а 56% опрошенных сообщили, что не знают диалекта. Здесь же автор приводит интересные данные относительно того, как жители этих регионов Германии оценивают местный диалект и говорят о причинах, по которым они считают целесообразным его использование в речи. Так, 49% опрошенных считают, что диалект является "красивым" (*schön*), а 47% считают его родным языком (*Muttersprache*). Примерно каждый третий из опрошенных (31%) считает, что диалект необходимо сохранить в качестве обиходно-разговорного языка данной местности (с. 100).

Далее автор останавливается на характеристике отдельных нижненемецких диалектов (с. 104—137), приводя образцы текстов на вестфальском, севернонижнесаксонских, восточнонижненемецких и других говорах. В заключение этого раздела Д. Штельмахер приводит сведения о языковых "островах", образуемых этими диалектами в различных районах других государств. Здесь он говорит прежде всего о нижненемецких диалектных ареалах на территории Дании, Польши, Словакии, России, в Северной и Южной Америке, Австралии, Южной Африке (с. 137—139).

В последующих частях своей книги (гл. 6, с. 145—192) Д. Штельмахер переходит к описанию грамматической структуры современных нижненемецких диалектов, подробно останавливается на морфологии и синтаксисе диалектов, на процессах словообразования, а в заключение, говоря о лексическом составе диалектов, анализирует состояние лексикографической разработки словарного состава этих диалектов в Германии.

Завершает исследовательские главы труда Д. Штельмахера глава о правописании (*"Plattdeutsche Rechtschreibungslehre"*). При этом он подчеркивает, что в отличие от нормированного литературного языка диалектная орфография не отличается установленным единством правил. Говоря о наличии определенной орфографической традиции в нижненемецком языке, Д. Штельмахер выделяет шесть основных орфографических принципов: фонологический, морфологический, семантический, исторический, грамматический и так называемый ориентационный, под которым понимается общая ориентация на немецкую или нидерландскую орфографию.

Книга Д. Штельмахера представляет собой фундаментальное научное обобщение

исследований в области нижненемецкого языка и диалектов и подводит своеобразный итог личного исследовательского интереса ее автора, посвятившего этой проблеме значительную часть своих научных публикаций, начиная с конца 60-х годов, т.е. на протяжении более чем 20 лет. Приходится лишь сожалеть, что автору не довелось познакомиться, если судить по библиографии к книге, с интересными и важными исследованиями в этой области, проведенными в разное время в нашей стране. Здесь прежде всего хотелось бы упомянуть работы таких авторов, как Г.Г. Едиг, Г.Я. Панкрац, а также многие публикации С.А. Миронова, успешно разрабатывающего в отечественной германистике как пробле-

мы нижненемецкого языка и диалектов, так и вопросы становления нидерландского литературного языка. И тем не менее труду Д. Штелльмахера принадлежит заслуга стать одним из первых энциклопедических изданий, мимо которого не пройдет ни один исследователь, начинающий и многоопытный, который занимается многообразными вопросами современной и исторической диалектологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. König W. Atlas zur deutschen Sprache. München, 1991. S. 132—134.

Домашнев А.И.

Masica C.P. The Indo-Aryan languages. Cambridge university press, 1991. XVI + 539 p.

Индоарийские языки представляют в индоевропейской семье группу, наиболее значительную по своему составу (полный их список превысит сотню наименований) и по функциональной значимости (число говорящих на них стремительно близится к миллиарду). Значительный теоретический интерес ее обусловлен еще и тем, что основные этапы развития языков этой группы доступны непосредственному наблюдению по памятникам литературы за более чем трехтысячелетний период. Первые сравнительные грамматики индоарийских языков (по преимуществу наиболее известных из них, обладавших письменной традицией) появились более ста лет тому назад. Достаточно назвать труды Р.Г. Бхандаркара [1], Дж. Бимза [2], Р. Хёрнле [3] (ср. также грамматику хинди и многочисленных близких к нему языковых разновидностей С. Келлогга [4]). Через полвека за ними последовали работы Дж. Грирсона [5] (опирается в значительной мере на материалы им же подготовленного многотомного "Описания языков Индии"), а затем и Ж. Блока [6], следующие в основном той же сравнительно-исторической модели, но содержащие уже и заметные элементы структурной типологии. При всем том в общелингвистических исследованиях индоарийский материал использовался на удивление мало, если не считать обращения компаративистов к санскриту.

В этом свете значение работы К. Масики трудно переоценить. Дело не только в том, что впервые после более чем полувекового перерыва в западной индологической лите-

ратуре появляется оригинальный труд, обобщающий последние результаты изучения новых индоарийских языков, но и в том, что труд этот написан с принципиально иных по сравнению с прежними работами позиций, отражая достижения типологического и ареального методов в языкознании. Автор к этому оказался наилучшим образом подготовлен, поскольку его перу принадлежат, с одной стороны, совместный с А. Рамануджаном очерк типологии индийских (южноазиатских) фонологических систем [7, с. 543—577], а с другой, первый в своем роде опыт ареального обследования ряда характерных грамматических (морфологических и синтаксических) черт языков Южной Азии на широком евроазиатском, а отчасти и североафриканском фоне [8].

Рецензируемая книга членится на десять глав. В первой (с. 1—7) К. Масика формулирует стоящие перед ним задачи, а во второй (с. 8—31) дает обзор новых индоарийских (НИА) языков. Хотя автор скромно именуется предложенную экспозицию "взглядом с птичьего полета" (с. 8), она вместе с органически смыкающимися с нею двумя приложениями (I. Инвентарь НИА языков и диалектов — с. 420—445 и II. Схемы классификации НИА языков — с. 446—463) сообщает читателю практически все необходимые внешние сведения о рассматриваемой языковой группе. "Инвентарь" содержит ровно четыре сотни лингвонимов (правда, 80 из них — отсылочные — являются дублетными наименованиями), среди которых до полутора сотен обозначают языки, остальные — диалекты.